ИЗДАТЕЛЬСТВО ГРАМОТА

Филологические науки. Вопросы теории и практики
Philology. Theory & Practice

ISSN 2782-4543 (online)
ISSN 1997-2911 (print)

2025. Том 18. Выпуск 4 | 2025. Volume 18. Issue 4
Материалы журнала доступны на сайте (articles and issues available at): philology-journal.ru

RU

Языковые средства конституирования эгалитарной гендерной картины мира в современной немецкоязычной литературе для детей и подростков

Ситникова И. О., Аксенова Д. Д.

Аннотация. Авторы статьи ставят перед собой цель выявить вербальные инструменты конституирования современной эгалитарной гендерной картины мира в немецкоязычных художественных произведениях для детей и подростков, изданных в последнее десятилетие. Данная картина мира складывается в литературных текстах из фрагментов, в которых наблюдается приписывание женским персонажам стереотипных маскулинных качеств и ролей, а мужским персонажам – стереотипных феминных качеств и ролей. Научная новизна исследования состоит в том, что впервые были описаны и систематизированы языковые средства, используемые для отражения гендерных стереотипов и их нарушений в немецкоязычной художественной литературе для детей и подростков. В результате исследования выявлено, что вербальные средства создания гендерно нестереотипных художественных образов присутствуют как в речи нарратора, так и в речи персонажей. К первым относятся единицы лексико-тематических полей «эмоции и чувства», «внешность», которые актуализируются в речи нарратора при описании внутреннего мира и поведения персонажей. Ко вторым – лексико-синтаксические и прагматические особенности речи персонажей (диминутивы, инвективы и другая эмоционально окрашенная лексика, разделительные вопросы и перебивания), которые противоречат представлениям о типично мужском и типично женском стилях речевого поведения. В редких случаях нарушение гендерных стереотипов дополнительно визуализировано посредством обложки и иллюстраций. Проведенное исследование позволило сделать вывод о вкладе художественных произведений на немецком языке в формирование у детей и подростков эгалитарной гендерной картины мира.

EN

Linguistic means of constituting an egalitarian gender worldview in contemporary German-language literature for children and adolescents

I. O. Sitnikova, D. D. Aksenova

Abstract. The authors of the article aim to identify the verbal tools used to construct a contemporary egalitarian gender worldview in German-language literary works for children and adolescents published in the last decade. This worldview is formed in literary texts from fragments where stereotypical masculine qualities and roles are attributed to female characters, and stereotypical feminine qualities and roles – to male characters. The scientific novelty of the study lies in the fact that, for the first time, the linguistic means used to reflect gender stereotypes and their violations in German-language literature for children and adolescents have been described and systematized. The research revealed that verbal means of creating gender non-stereotypical artistic images appear both in the narrator's speech and in the characters' speech. The former include units from the lexical-thematic fields "emotions and feelings", "appearance", which are actualized in the narrator's descriptions of the characters' inner world and behavior. The latter involve lexical-syntactic and pragmatic features of the characters' speech (diminutives, invectives, and other emotionally charged vocabulary, tag questions, and interruptions) that contradict typical notions of masculine and feminine speech styles. In rare cases, the violation of gender stereotypes is additionally visualized through the cover and illustrations. The study concludes that German-language literary works contribute to shaping an egalitarian gender worldview among children and adolescents.

Введение

Актуальность проведенного исследования обусловлена, с одной стороны, важной ролью, которую играет художественная литература в формировании мировосприятия и самоидентичности детей и подростков,

Научная статья (original research article) | https://doi.org/10.30853/phil20250212

© 2025 Авторы. © 2025 ООО Издательство «Грамота» (© 2025 The Authors. © 2025 Gramota Publishing, LLC). Открытый доступ предоставляется на условиях лицензии CC BY 4.0 (open access article under the CC BY 4.0 license): https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/

а с другой стороны, значением для формирования самоидентичности взрослеющего человека таких описательных и нормативных категорий, как маскулинность и феминность, детерминирующих его мировосприятие и социальное поведение. Понимание того, как распределяются гендерные роли в обществе и как функционируют гендерные стереотипы занимает важное место в детском восприятии себя в мире и во многом формируется под воздействием художественной литературы. Принимая во внимание вышеизложенное, представляется необходимым выявить комплекс языковых средств, посредством которых в современных произведениях для детей и подростков конституируется гендерная картина мира. Фокус внимания в данном исследовании был направлен на эгалитарную картину мира, для которой характерно переосмысление традиционных гендерных стереотипов.

Для достижения поставленной цели были сформулированы следующие задачи:

– отобрать для анализа художественные произведения на немецком языке, изданные в последнее десятилетие и предназначенные для читателей разных возрастных категорий в сегменте литературы для детей и подростков;

– в отобранных произведениях выявить текстовые фрагменты и иллюстративный материал, в которых наблюдается (1) приписывание женским персонажам стереотипных качеств, поведения и ролей, традиционно признаваемых маскулинными, (2) приписывание мужским персонажам стереотипных качеств, поведения и ролей, традиционно признаваемых феминными;

– в выявленных текстовых фрагментах установить языковые средства, используемые при описании гендерно нестереотипных внешности, действий, мыслей и чувств героев. В речи нарратора проанализировать единицы лексико-тематических полей «эмоции и чувства» и «внешность», которые актуализируются при описании гендерно нестереотипных внешности, действий, мыслей и чувств героев, оценки этих проявлений. В речи персонажей выявить лексическо-синтаксические и прагматические особенности, которые противоречат представлениям о типично мужском и типично женском стилях речевого поведения;

– дополнительно привлечь к анализу обложку и иллюстрации на предмет наличия в них элементов, визуализирующих нарушение стереотипных представлений о феминных и маскулинных внешности и поведении, а также установить связь невербального компонента текста с вербальным.

Материалом для исследования послужили девять немецкоязычных книг для детей и подростков, написанные и изданные в период с 2015 по 2021 год:

- Abendi I. Die längste Nacht. Arena, 2016.
- Erbertz C. Drei (fast) perfekte Wochen. Beltz & Gelberg, 2016.
- Franz C. Poolparty. dtv Verlag, 2015.
- Gmehling W. Freibad: Ein ganzer Sommer unter dem Himmel. Peter Hammer Verlag, 2019.
- Hofler S. Mein Sommer mit Mucks. Gulliver von Beltz & Gelberg, 2016.
- Huppertz N. Schön wie die Acht. Tulipan, 2020.
- Naoura S. Superflashboy. Rowohlt Taschenbuch, 2018.
- Richter J. Ich bin hier bloß das Kind. Carl Hanser Verlag GmbH & Co, 2016.
- Schröder P. Die Doppel-Kekse. Einmal Zwilling, immer Zwilling. Thienemann-Esslinger Verlag GmbH, 2017.

Первые три произведения рекомендованы для читателей в возрасте 6-9 лет; еще три – для читателей в возрасте 14-17 лет; последние три – для читателей в возрасте 10-13 лет.

Для решения указанных задач были выбраны следующие методы исследования: 1) анализ актуальной теоретической литературы по вопросам гендерных стереотипов и их отражения в языке и речи, а также детской художественной литературы; 2) лингвистическая интерпретация художественного текста и контекстуальный анализ; 3) систематизация и обобщение наблюдений, полученных в ходе лингвистической интерпретации и контекстуального анализа.

Теоретическую базу исследования составили труды российских и зарубежных ученых о гендерных стереотипах и гендерной картине мира (Гузь, Пигина, 2017; Ильин, 2010; Нечаева, 1997; 2019; Простотина, 2017; Eckes, 2010; Petersen, Iris, 2006), о гендерных особенностях речевого поведения (Ширяева, Авакова, 2018; Александрова, Сытина, 2018; Вансяцкая, 2012), об особенностях художественной литературы для детей и подростков (Енальева, 2014; Леонова, 2020; Дёмышева, 2016; Emmrich, 1988).

Теоретическая значимость настоящего исследования заключается в обнаружении комплекса вербальных инструментов, посредством которых в произведениях для детей и подростков формируются представления о таких нормативных категориях, как маскулинность и феминность.

Практическая значимость исследования состоит в возможности использования его материалов при разработке и чтении теоретических и практических курсов, посвященных лингвистическому анализу и интерпретации художественного текста, а также вопросам лингвистической гендерологии и лингвокультурологии.

Обсуждение и результаты

Обращаясь к гендерному аспекту художественных текстов, невозможно обойти вниманием вопрос конструирования в них посредством вербальных и невербальных средств гендерной картины мира, которую образуют основанные на оппозиции маскулинность/феминность гендерные нормы и стереотипы. Гендерная картина мира может быть определена как «упорядоченная непротиворечивая и внутренне структурированная

совокупность существующих в обыденном сознании социокультурных ориентаций, ценностей, установок, идеалов, в которых находит отражение социальная дифференциация полов» (Нечаева, 1997, с. 20).

Являясь составляющей общей картины мира, гендерная картина мира носит культурно и исторически обусловленный характер и, как следствие, с неизбежностью претерпевает изменения. Н. А. Нечаева называет три возможных типа гендерной картины мира или модели «отношения к положению мужчины и женщины в семье и обществе» (2019, с. 117): традиционно-патриархатную, переходно-амбивалентную и современно-эгалитарную. Согласно данной классификации, в традиционно-патриархатной модели во всех сферах жизни наблюдается доминирование мужчины над женщиной и закрепление за женщиной семейной сферы как поля для реализации ее предназначения. В современно-эгалитарной модели женщинам наравне с мужчинами предоставлена возможность для реализации себя в любой общественной сфере, т. е. практикуется гендерное равноправие (Нечаева, 2019).

Целостная картина мира человека и гендерная картина мира как ее видовая составляющая начинают формироваться еще в детстве, «когда ребенок не только ощущает и созерцает мир, но и пытается его постичь, познать, понять. Именно в этот период начинается осмысление и интерпретация окружающей действительности. Все новые познания формируются в сознании человека в виде определенной картины, структурированной и многофрагментарной» (Дёмышева, 2016, с. 156). При этом важное место в мировосприятии ребенка и его восприятии себя в мире занимают представления о том, какие качества и роли предписываются обществом мужчине и женщине, т. е. гендерные стереотипы. Одним из важнейших источников представлений о мире была и остается детская литература. В этой связи представляется важным проанализировать, в какой степени и какими средствами в немецкоязычной художественной литературе для детей и подростков отражается современно-эгалитарная гендерная картина мира, макрокомпонентами которой являются гендерные стереотипы.

Все привлеченные к анализу произведения можно разделить на четыре группы с точки зрения репрезентации в них эгалитарной гендерной картины мира:

1) произведения, в которых отсутствуют или присутствуют в недостаточном количестве фрагменты, отражающие какую-либо гендерную картину мира;

2) произведения, в которых присутствуют элементы традиционно-патриархатной гендерной картины мира и отсутствуют элементы эгалитарной гендерной картины мира;

3) произведения, в которых наряду с элементами традиционно-патриархатной гендерной картины мира присутствуют элементы эгалитарной гендерной картины мира;

4) произведения, в которых преобладают элементы эгалитарной гендерной картины мира.

Материал для решения поставленной задачи по выявлению средств отражения в художественных текстах для детей и подростков эгалитарной гендерной картины мира предоставляют произведения, входящие в третью (“Die Doppel-Kekse. Einmal Zwilling, immer Zwilling” («Двойные печеньки. Однажды близняшка, навсегда близняшка») и “Ich bin hier bloß das Kind” («Я всего лишь ребенок»)) и четвертую (“Drei (fast) perfekte Wochen” («Три (почти) отличные недели»)) группы.

Наиболее четко элементы современно-эгалитарной картины мира прослеживаются в романе C. Erbertz “Drei (fast) perfekte Wochen” (2016), рекомендованном для читателей в возрасте 14-17 лет. Преимущественно на материале данного произведения и будут проиллюстрированы основные результаты исследования. Остановимся кратко на основных повествовательных и содержательных особенностях романа, релевантных для поставленной задачи.

Данный роман можно отнести к так называемой проблемной литературе, поскольку повествование в нем разворачивается вокруг серьёзной социальной проблемы – насилия над женщиной. Главные герои романа – подростки Нико и Неле – проводят летние каникулы в спортивном лагере, где влюбляются друг в друга. Неле становится невольной свидетельницей эпизода насилия одного из отдыхающих в лагере подростков над девушкой Ритой, что оказывает сильное влияние на ее душевное состояние. Кроме темы физического насилия в романе поднимается целый ряд важных социальных тем – развода родителей, лишнего веса, неизлечимой болезни, эмоционального насилия в семье, – а также подробно освещается тема взаимоотношений между мужчинами и женщинами.

Повествование в романе ведется от первого лица: все события, а также персонажи второго плана предстают перед читателем через призму восприятия главных персонажей. Каждая глава – это рассказ Нико или Неле о буднях спортивного лагеря. Дневниковая форма обеспечивает максимальную отстраненность нарратора от повествования, а речь Нико и Неле по сути является их внутренней речью, которая представляет особый интерес с точки зрения гендерного аспекта, так как она содержит размышления героев обоих гендеров, а также описание их эмоций и переживаний. Именно речь позволяет заглянуть в духовный мир подростков и изучить, как формируется современно-эгалитарная картина мира на персонажном уровне.

Проследим, как посредством актуализации лексико-тематической группы «эмоции и чувства» в романе опровергается стереотипное представление о проявлении мужчинами эмоций. Согласно исследованию, проведенному Prentice, Carrance в 25 странах, в массовом сознании с мужчинами ассоциируются бесстрастность и неэмоциональность (Ильин, 2010). Во внутренней же речи нарратора мужского пола – Нико – не раз актуализируется лексико-тематическая группа «эмоции и чувства». Наиболее сильные эмоции у Нико вызывают неприятные или пугающие события. Так, например, когда ночью во время спортивного ориентирования Петеру, который страдает от лейкемии, становится плохо, Нико охватывает паника:

Panik**. Ich spüre nur noch **Panik (Erbertz, 2016, S. 87).

Передающее эмоциональное состояние Нико существительное *panik* (паника) синтаксически выделяется посредством парцелляции и повтора.

После того, как Петера увозят в больницу, Нико испытывает сразу целую гамму разных чувств, связанных с пережитым стрессом, которая вербализуется в речи Нико в виде перечислительного ряда:

Ehrlich, so viel habe ich noch nie in meinem Leben gleichzeitig gefühlt: ***Mitleid, Wut, Enttäuschung, Liebe, Scham**, alles durcheinander* (Erbertz, 2016, S. 90). / «Честно говоря, никогда в жизни я еще не испытывал так много чувств одновременно: сочувствие, гнев, разочарование, любовь, стыд, все вперемешку» (здесь и далее – перевод авторов статьи. – *И. С., Д. А.*).

Чувства и эмоции Нико могут передаваться в тексте и косвенным способом, посредством называния физической реакции, спровоцированной ими. Так, существительное *Gänsehaut* (покрытая мурашками кожа) может отсылать к чувству страха. Когда Неле рассказывает Нико, что видела в лесу, как Марлон пристает к Рите, Нико охватывает такой сильный страх, что его кожа покрывается мурашками:

*Ich krieg eine **Gänsehaut**, ungelogen* (Erbertz, 2016, S. 81).

Лексические единицы тематической группы «эмоции и чувства», актуализированные в речи Нико, позволяют заключить, что Нико свойственна широкая эмоциональная палитра, которая включает в себя, наряду с типично «маскулинными» эмоциями (злость и гнев), состояния, которые приписываются скорее женскому эмоциональному типу, – сострадание, стыд, страх, разочарование. Показательно, что Нико не отрицает у себя наличие «феминных» эмоций и чувств, он прямо называет их, не стыдится проявлять, что позволяет констатировать отражение в его внутренней речи современно-эгалитарной гендерной картины мира.

Эмоциональность проявляется во внутренней речи Нико также на синтаксическом уровне – посредством риторических вопросов. Риторический вопрос служит не для запроса какой-либо информации, а для ее эмоционального утверждения. Вопросительные слова, которые могут быть включены в риторический вопрос, способны усилить эмоциональность высказывания. Так, вопросительное слово *warum* (почему) используется для выражения досады, сожаления, неудовлетворения, разочарования. При этом в риторическом вопросе нередко наблюдается синкретизм языковых средств, выражающих эмоции. Например, когда Нико переживает по поводу того, уместно ли было поднимать вверх палец, чтобы продемонстрировать Неле свою поддержку, риторический вопрос с вопросительным словом *warum* выражает сожаление, а наречие *peinlich* (неловко) служит для обозначения чувства неловкости:

***Warum** muss ich dann am Ende so **peinlich** verklemmt den Daumen hochrecken?* (Erbertz, 2016, S. 37).

Еще более ярко сожаление передается посредством цепочки из двух риторических вопросов, которые Нико обращает к самому себе. Следующие друг за другом, эти вопросы создают интонацию причитания:

Warum habe ich das im Bus nicht mitgekriegt? Saß ich nicht sogar neben ihr? (Erbertz, 2016, S. 18). / «Почему я не понял этого в автобусе? Разве я не сидел рядом с ней?».

Распространённый стереотип о сниженном уровне мужской эмоциональности, о том, что мужчины не плачут и не должны плакать, в романе разрушается и при описании поведения второстепенного персонажа – Лукас переживает из-за безответной симпатии и плачет:

*Ich denke erst, der schwitzt, aber er **heult**. Was ist denn mit dem tapferen Lukas los?* (Erbertz, 2016, S. 53).

Для передачи эмоционального состояния Лукаса Нико использует фамильярно-разговорный глагол *heulen*, который содержит в своей семантике компонент «громко плакать», что противоречит стереотипу о мужском плаче. По мнению Е. П. Ильина, «для лиц мужского пола прослезиться – значит нарушить норму мужественности» (2010, с. 77). Если мужчины плачут, то стараются делать это беззвучно, незаметно, а в художественных текстах это, как правило, выражено имплицитно, например, с помощью глаголов *seufzen*, *schluchzen* (вздыхать, рыдать).

Личностная характеристика Лукаса – *tapfer* (смелый) – становится контекстуальным антонимом к глаголу *heulen*: даже отважный, смелый мальчик имеет право на проявление любых эмоций. Однако именно эта антонимическая пара свидетельствует о возникшем противоречии в сознании Нико: первое, о чём подумал Нико, увидев мокрое лицо Лукаса, что это капли пота, а не слёзы. Рыдающий отважный мальчик не соответствует устоявшемуся представлению о поведении мужчины, поэтому в сознании Нико снова смешиваются элементы традиционной и современной гендерной картины мира. Однако он не оценивает такое проявление эмоций Лукаса, скорее, это обстоятельство становится для него неожиданностью. Тем более, что Нико и сам открыто выражает свои эмоции: он плачет, когда смена в летнем лагере заканчивается, и ему предстоит разлука с Неле:

Meine Augen werden feucht (Erbertz, 2016, S. 112).

Ни рыдания Лукаса, ни собственные слёзы Нико не подвергаются негативной оценке с его стороны. Слёзы гендерно не маркированы: согласно современно-эгалитарной гендерной картине мира плакать могут как девочки, так и мальчики.

Следующий гендерный стереотип, который подвергается (пере)осмыслению в рассматриваемом романе при помощи целого комплекса лексических, синтаксических и стилистических средств, – представление о мужском и женском стилях поведения, в частности о стиле (модели) гендерного взаимодействия. Как отмечает Ю. В. Простотина, «традиционные стереотипы побуждают мужчин демонстрировать активность, силу, уверенность в себе, волевые черты. Стереотип женственности в отношениях с людьми предполагает проявление мягкости и деликатности, отзывчивости и заботливости, применение для достижения своих целей

недирективных средств» (2017, с. 6). В романе важное место занимает тема взаимоотношений между мальчиками и девочками, поскольку все действующие персонажи – подростки пубертатного возраста. Размышляя о том, как лучше себя вести в той или иной ситуации, Нико и Неле не следуют бездумно стереотипам о типично мужском и женском стилях поведения, а подвергают их осмыслению, «примеряя» к своей ситуации. Так, например, осознав, что влюблён в Неле, Нико размышляет о том, должен ли он сделать первый шаг:

Aber natürlich muss ich als Mann den Anfang machen. Denke ich zumindest. Sagen ja alle (Erbertz, 2016, S. 112).

Нико пытается убедить себя, что именно он как мужчина должен проявить решительность и сделать первый шаг. Для того, чтобы показать читателю, как Нико колеблется, автор использует фигуру антиклимакса, или нисходящей градации. Модальный глагол *müssen* (долженствовать), эксплицирующий в комбинации с наречием *natürlich* (конечно) высшую степень уверенности, сменяется глаголом *denken* (думать) – эпистемическим глаголом, выражающим оценку степени достоверности, которая в данном случае ограничивается наречием *zumindest* (по крайней мере), и в завершение следует глагол *sagen* (говорить), который в сочетании с местоимением *alle* (все) и частицей *ja* контекстуально приобретает значение субъективной модальности, констатирует общеизвестную истину и приближается по степени уверенности к глаголу *müssen*, тем самым образуя рамочную конструкцию. То обстоятельство, что Нико рассуждает о том, как должен поступать мужчина, казалось бы, свидетельствует, что стереотип об активной позиции мужчины закреплён в его сознании, но в то же время неуверенность Нико, его попытка подвергнуть этот стереотип осмыслению, сигнализируют о расшатывании стереотипных представлений о маскулинном поведении: элементы традиционно-патриархатной гендерной картины мира смешиваются с элементами эгалитарной.

Неле также сомневается в достоверности стереотипа о том, что только мужчина может проявлять решимость в отношениях с женщинами:

Soll ich fragen, ob wir uns in Frankfurt wiedersehen? Oder muss das der Junge machen? (Erbertz, 2016, S. 92).

Тот факт, что в конце романа вопрос о том, увидятся ли они с Нико во Франкфурте, задаёт именно Неле, противоречит стереотипу о женской нерешительности и пассивности.

Разрушению стереотипа о мужской уверенности в себе и в своих действиях способствуют модальные слова и конструкции, которые Нико употребляет в своих размышлениях и которые снижают степень уверенности в сказанном. Так, модальное слово *vielleicht* (возможно) обладает семантическим оттенком сомнения и занимает особое место в системе модальных слов немецкого языка за счёт своего потенциала альтернативности. Оно зачастую употребляется несколько раз подряд, поскольку указывает то на один, то на другой возможный вариант развития событий, и стоит в таком случае, как правило, в препозиции. Эта конструкция обнаруживается в размышлениях Нико по поводу болезни Петера. Важно, что предложения построены по принципу синтаксического параллелизма и в них прослеживается нисходящая градация, в очередной раз свидетельствующая о высокой степени эмоциональности Нико:

Vielleicht ist er deswegen immer so traurig gewesen. Vielleicht hat er deswegen seine Haare nicht mehr wachsen lassen (Erbertz, 2016, S. 81). / «Возможно, поэтому он всегда был таким грустным. Возможно, поэтому он перестал мыть голову».

Вторично похожая синтаксическая конструкция с модальным словом *vielleicht*, демонстрирующая сомнения, встречается, когда Нико думает о Неле и о том, как он может её называть:

Vielleicht sollte ich Nele wirklich so nennen. Vielleicht ist das aber auch so peinlich wie Daumenhochrecken, weil man länger aufbleiben darf (Erbertz, 2016, S. 32).

Таким образом, мужские персонажи в рассматриваемом романе обладают личностными и поведенческими характеристиками, которые традиционно не характерны для их гендера: мальчики свободно проявляют эмоции, которые в традиционно-патриархатной картине мира подвергаются осуждению.

Ещё один значимый стереотип, который разрушается во внутренней речи главных героев, в частности посредством актуализации единиц из лексико-тематического поля «внешность», – представление о внешней привлекательности и ее роли в социальной жизни. По словам И. С. Клециной, «одна из констант женского самоутверждения – привлекательная внешность» (2008, с. 93), поэтому неудивительно, что Неле много размышляет о своей внешности, сравнивает себя с сексуально привлекательной Ритой, обращает внимание на физические характеристики мальчиков-подростков. Однако многочисленные эпизоды описания внешности во внутренней речи Нико свидетельствует о смещении границ между гендерными ролями и разрушении стереотипа о том, что мужчины невнимательны к деталям внешности женщин. Традиционно считается, что для мужчин, с одной стороны, важно, чтобы женщина была внешне привлекательна, но, с другой стороны, они редко замечают детали, из которых складывается приятный женский образ. Нико же довольно внимателен к деталям внешности Неле, описывая которую, он прибегает пусть и к банальному, но поэтичному сравнению с розой:

Alles an dieser Frau wirkt fein und schmal, die Augen, die Nase, die Lippen. Sie hat hellrote Wangen und sieht aus wie eine kleine, zarte Rose (Erbertz, 2016, S. 18).

Также он оценивает макияж Неле, замечает, насколько умело она накрашена и может даже назвать оттенок блеска для губ:

Sie ist ziemlich gekonnt geschminkt, allerdings mit kirschroten Lipgloss… (Erbertz, 2016, S. 64).

Примечательно, что Нико обращает внимание не только на внешность Неле, к которой испытывает симпатию, но и на внешность других подростков в лагере. Когда в начале романа один из подростков перестаёт разговаривать с Неле, Нико, не зная имени, характеризует его, описывая форму носа и причёску:

Zum Glück wird sie von einem Typen mit Stupsnase und Igelhaube in Beschlag genommen (Erbertz, 2016, S. 17).

Разрушение гендерных стереотипов может происходить не только в речи нарратора, но и в речи персонажей, когда особенности, характерные для женского речевого стиля поведения, обнаруживаются в речи мужских персонажей и наоборот. Случаи отступления от вышеназванных стереотипов были обнаружены в романе "Ich bin hier bloß das Kind" (2016), который повествует о жизни 8-летней Ханны, и в истории о жизни сестёр-близняшек Леи и Люции "Die Doppel-Kekse. Einmal Zwilling, immer Zwilling" (2017). Так, например, в обоих произведениях взрослые мужские персонажи используют в качестве обращения диминутивы, которые традиционно считаются специфичными для женской речи. Дедушка Люции и Леи обращается к внучкам:

Hallo, meine Zwengelchen! (Schröder, 2017, S. 23). / «Привет, мои гномики!».

Большой и сильный отчим Ханны Эберхард постоянно использует диминутив *Hummelchen* (уменьшительно-ласкательная форма от слова «шмель», можно перевести как «пчелка»), обращаясь к ее маме:

Ja, wenn das so ist, dann wollen wir das Haus morgen mal ansehen, mein süßes, kleines Hummelchen (Richter, 2016, S. 11). / «Раз так, значит давай посмотрим дом завтра, моя сладкая маленькая пчелка».

Na, wenn ich das dem Hummelchen erzähle… (Richter, 2016, S. 24). / «Ну, если я расскажу это пчелке…».

Aber, Hummelchen, jede dritte Frau sieht aus wie Helene Fischer (Richter, 2016, S. 121). / «Но, пчелка, каждая третья женщина выглядит как Хелене Фишер».

В речи женских персонажей нередко встречается инвективная лексика, характерная скорее для мужского речевого стиля. Наибольшее количество случаев использования инвектив было зафиксировано в речи Люции – героини романа "Die Doppel-Kekse. Einmal Zwilling, immer Zwilling". Так, сердясь на бабушку, которая несколько лет тому назад ушла от дедушки, Люция использует инвективу *Schnefe* (шлюха), усиливая негативную оценку при помощи оценочных прилагательных *eingebildet* и *größenwahnsinnig* (надменный, заносчивый):

Sie ist eine eingebildete, größenwahnsinnige Schnepfe! (Schröder, 2017, S. 36). / «Она надменная, заносчивая шлюха!».

По отношению к одному из персонажей, на сообщение которого она долго не отвечает, Люция использует существительное *Blödmann!* (Дурак!) (Schröder, 2017, S. 165), а когда на выходных отец слишком рано будит Люцию, она восклицает: "Oh nein! Scheiße!" (О нет, черт!) (Schröder, 2017, S. 70). Таким образом, речевое поведение Люции противоречит стереотипу о том, что женщины избегают в своей речи инвективной лексики, выбирая более «дипломатичные» формулировки.

Разрушение гендерных стереотипов может прослеживаться и на синтаксическом уровне. Синтаксические особенности, которые, как правило, приписывают женскому речевому стилю, могут проявляться в речи мужских персонажей, и наоборот – в речи женских персонажей могут прослеживаться черты, присущие мужскому речевому стилю, что разрушает стереотип о мужском и женском речевом стиле. Рассмотрим, как это реализуется в романе "Drei (fast) perfekte Wochen" (2016).

Одной из специфических черт мужской речи исследователи считают перебивы и прерывания речи, которые позволяют мужчинам занять позицию коммуникативного доминирования в процессе речевого взаимодействия (Ширяева, Авакова, 2018, с. 55).

В романе "Drei (fast) perfekte Wochen" перебивания свойственны исключительно речи женских персонажей вне зависимости от социального статуса, возраста и индивидуально-личностных особенностей. Главная героиня Неле и ее подруга Рита – представители одной возрастной группы (14-15 лет), обладающие, однако, различным темпераментом. Неле – скромная, неконфликтная, неуверенная в себе, Рита – взрывная, импульсивная и эмоциональная. Они в равной степени используют перебивания в диалогах как друг с другом, так и с другими подростками, и даже с тренерами. Например, когда Неле рассказывает своим товарищам по летнему лагерю о том, как она потерялась в лесу, Рита резко перебивает ее и начинает рассказывать о похожем случае из своего детства, перехватывая таким образом инициативу и занимая доминирующую позицию в диалоге:

– *Doch…*
– *Ich…hab mich auch mal krass verirrt. Am Strand. Da war ich fünf* (Erbertz, 2016, S. 34).

В свою очередь Неле перебивает Риту, когда та пытается рассказать об изнасиловании:

– *Da ist er weg, bevor…*
– *Wir müssen das jemandem erzählen! Einem Erwachsenen!* (Erbertz, 2016, S. 70).

В ситуации, когда Неле хочет рассказать тренеру о том, что она боится молодого человека на мотоцикле, фрау Икс не даёт ей завершить предложение:

– *Da war wieder der Junge auf dem Motorrad…*
– *Was hast du denn immer mit dem?* (Erbertz, 2016, S. 57).

Синтаксической особенностью, характерной для женской речи, считаются разделительные вопросы. Они делают высказывание менее категоричным, выполняют функцию поддержания диалога (фатическую функцию), свидетельствуют о намерении говорящего заручиться одобрением партнера по коммуникации и, в конечном счете, обнаруживают его неуверенность. В рассматриваемом романе к разделительным вопросам прибегает прежде всего мужской персонаж – Нико. Все обнаруженные в его речи разделительные вопросы выполняют фатическую функцию. Так, например, во время ужина Нико заводит разговор с Неле, интересуясь, не голодна ли она:

Du hast echt Kohldampf, oder? (Erbertz, 2016, S. 35).

Когда они приходят на вечеринку, Нико отмечает, что в комнатах слишком светло и обращается за подтверждением к Неле:

Ist irgendwie hell hier, oder? (Erbertz, 2016, S. 64).

Нико использует разделительные вопросы не только в общении с девочкой, которая ему симпатична. Когда раскрываются подробности ключевого происшествия романа, Нико спрашивает единственного свидетеля:

Du hast was gesehen im Wald, oder? (Erbertz, 2016, S. 103). / «Ты что-то видел в лесу, да?».

Разделительный вопрос может также выражать иронию говорящего по отношению к содержанию высказывания. Именно такую коннотацию содержит в себе вопрос, заданный Нико после того, как разбуженные шумом тренеры прерывают вечеринку подростков:

Super Party, oder? (Erbertz, 2016, S. 67). / «Классная вечеринка, да?».

Присутствие разделительных вопросов в речи Нико и других мужских персонажей позволяет сделать вывод об их склонности к кооперативной речевой стратегии: таким способом мальчики стараются поддержать диалог или снизить категоричность высказывания.

В заключении остановимся на средствах конституирования эгалитарной гендерной картины мира на невербальном уровне. Первым и нередко единственным таким средством становится обложка книги в силу того, что в книгах для среднего и старшего школьного возраста (“Die Doppel-Kekse. Einmal Zwilling, immer Zwilling”, “Drei (fast) perfekte Wochen”) иллюстрации отсутствуют, поскольку читатели уже обладают достаточно развитым воображением, чтобы воспринимать текст без невербальной составляющей. Обложка оказывается, таким образом, единственным носителем невербальной информации в романе. В корпусе привлеченных к анализу книг элементы эгалитарной картины мира отчетливо прослеживаются, например, на обложке романа P. Schröder “Die Doppel-Kekse. Einmal Zwilling, immer Zwilling”. На ней изображены главные героини – Лея и Люция. Поскольку в романе внешний вид главных героинь не описывается, изображение сестёр на обложке восполняет отсутствующее вербальное описание. При этом Люция одета в платье, а Лея в джинсы и кофту. Примечательно, что Люция занимает более активную позицию в романе, у неё задиристый, «мальчишеский» характер, Лея же, наоборот, более спокойна и кооперативна. Иллюстратор не просто отказывается от традиционного гендерного маркирования одежды, но и отходит от стереотипа о соответствии внешнего вида и характера женщины: женщина с мягким миролюбивым характером не обязательно будет женственно одеваться. Дополняют образы сестёр атрибуты их хобби: Лея занимается хоккеем на роликах, а Люция – обычным хоккеем. Хоккей традиционно считается мужским видом спорта, и то, что девочки занимаются им, также свидетельствует о нарушении гендерного стереотипа, связанного с типично мужскими и женскими занятиями.

В качестве примера иллюстрации, способствующей формированию у читателя эгалитарной гендерной картины мира, можно привести рисунок из книги, предназначенной для младшего школьного возраста: J. Richter “Ich bin hier bloß das Kind” (2016). Подробно описанная внешность героини по имени Зои, нарушающая стереотипные представления о женственности, находит отражение в иллюстрации, которая открывает главу, где Зои появляется впервые (Иллюстрация 1). Примечательно, что зрительный образ Зои появляется прежде, чем его вербальное воплощение в тексте: “*Kurze schwarze Haare mit roten Strähnen. Hundehalsband mit Swarovski-Steinen. Schwarze Lederjacke, Jeggins und diese Edelturnschuhe, die bei jedem Schritt blinken*” (Richter, 2016, S. 89). Образ Зои можно обозначить как гендерно нейтральный: посмотрев на иллюстрацию, сложно с уверенностью сказать, кто на ней изображен – девочка или мальчик, – поэтому читатель не сразу идентифицирует персонажа по гендерному признаку, что характерно для эгалитарной гендерной картины мира, в которой гендерная стратификация внешних образов менее строгая, чем в традиционно-патриархатной картине мира.

Иллюстрация 1. *Иллюстрация к роману J. Richter “Ich bin hier bloß das Kind” (2016)*

Еще одна иллюстрация, на которой Зои изображена в окружении своих новых одноклассниц, еще более усиливает контраст между стереотипными и нестереотипным женскими образами (Иллюстрация 2). Практически идентично выглядящие одноклассницы с длинными волосами, украшениями, резинками для волос в виде цветов представляют собирательный стереотипный женский образ, на фоне которого более четко проявляется гендерная нестереотипность образа Зои.

Иллюстрация 2. *Иллюстрация к роману J. Richter "Ich bin hier bloß das Kind" (2016)*

Заключение

Проведенное исследование показало, что элементы эгалитарной гендерной картины мира обнаруживаются не во всех немецкоязычных художественных произведениях для детей и подростков. Только в трех из девяти привлеченных к анализу книг были выявлены фрагменты, в которых на вербальном и невербальном уровнях отражается переосмысление устоявшихся стереотипов о внешности, поведении, социальных ролях мужчин и женщин. Обнаруженные в текстах единицы лексико-тематических групп «эмоции и чувства» и «внешность», а также лексико-синтаксические особенности речи персонажей (диминутивы, инвективы и другая эмоционально окрашенная лексика, разделительные вопросы, перебивания) позволяют сделать вывод, что эмоциональность, эмпатичность, неуверенность в себе, интерес к внешности, кооперативный речевой стиль, традиционно приписываемые женщинам и получающие негативную оценку в обществе, в данных произведениях в равной мере характерны как мужским, так и женским персонажам, не подвергаясь при этом оценке. В свою очередь женские персонажи занимают активную позицию, выбирают традиционно мужские занятия, открыто проявляют негативные эмоции, доминируют в речевом взаимодействии. В отдельных случаях созданные посредством вербальных средств гендерно нестереотипные образы подкрепляются или дополняются на невербальном уровне. Таким образом, можно утверждать, что около трети художественных произведений на немецком языке, изданных в последнее десятилетие, вносят свой вклад в формирование у детей и подростков эгалитарной гендерной картины мира.

Источники | References

1. Александрова Е. С., Сытина Н. А. Гендерные особенности актуализации речевых стратегий и тактик в диалогах с ожиданием ответной реплики инициатором диалога (на материале художественных произведений) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 9-1 (87).
2. Вансяцкая Е. А. Языковые корреляты невербального выражения отрицательных эмоций при коммуникации (гендерный аспект) // Terra Linguistica. 2012. № 155.
3. Гузь М. Н., Пигина Н. В. Игра с гендерными стереотипами или сексизм в рекламных текстах? // Грамматика в научно-исследовательском контексте современной лингвистики. Материалы научных чтений памяти проф. Л. В. Шишковой: сб. статей. СПб., 2017.
4. Дёмышева А. С. Концептуальные аспекты языковой картины мира в сознании младшего школьника // Педагогическое образование в России. 2016. № 3.
5. Енальева О. А. Развитие детской реалистической литературы в Германии во второй половине XX века // Austrian Journal of Humanities and Social Sciences. 2014. № 7-8.
6. Ильин Е. П. Пол и гендер. СПб.: Питер, 2010.
7. Клецина И. С. Гендерная составляющая временной перспективы личности // Личность как субъект организации времени своей жизни: сб. научн. статей. Краснодар: Кубанс. гос. ун-т, 2008.
8. Леонова Е. Ю. Понятие «детская литература»: к постановке проблемы // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2020. № 2.
9. Нечаева Н. А. Гендерная картина мира: к определению понятия и его структуры // Петербургская социология сегодня. 2019. № 12.
10. Нечаева Н. А. Патриархатная и феминистская картины мира: анализ структуры массового сознания // Гендерные тетради: сборник. СПб., 1997. Вып. 1.

11. Простотина Ю. В. Гендерные стереотипы: формирование и детерминанты // Социодинамика. 2017. № 3.
12. Ширяева Т. А., Авакова М. Л. Гендерный аспект коммуникативного доминирования (на материале англоязычного дискурса интервью) // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2018. № 3 (31).
13. Eckes T. Geschlechterstereotype: Von Rollen, Identitäten und Vorurteilen // Handbuch Frauen- und Geschlechterforschung. Theorien, Methoden, Empirie / hrsg. von R. Becker und B. Kortendiek. 3. erw. u. durchg. Auflage. Wiesbaden: Springer, 2010.
14. Emmrich Ch. Literatur für Kinder und Jugendliche als Bestandteil der Literaturgeschichte // Zeitschrift für Germanistik. 1988. Vol. 9. № 6.
15. Petersen L.-E., Iris S.-M. Stereotype // Handbuch der Sozialpsychologie und Kommunikationspsychologie / hrsg. von H.-W. Bierhoff und D. Frey. Göttingen: Hogrefe, 2006.

Информация об авторах | Author information

RU

Ситникова Ирина Олеговна[1], к. филол. н., доц.
Аксенова Дарья Дмитриевна[2]
[1] Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург
[2] Языковая школа «Немецкий на Мойке», г. Санкт-Петербург

EN

Irina Olegovna Sitnikova[1], PhD
Daria Dmitrievna Aksenova[2]
[1] Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg
[2] Language School “Nemeczkij na Mojke”, St. Petersburg

[1] *iositnikova@herzen.spb.ru,* [2] *daria.aksenova1@yandex.ru*

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 16.03.2025; опубликовано online (published online): 17.04.2025.

Ключевые слова (keywords): картина мира; гендерные стереотипы; литература для детей; мужской стиль речевого поведения; женский стиль речевого поведения; worldview; gender stereotypes; children’s literature; masculine speech style; feminine speech style.